

Галина Одинцова

Галина Леонидовна Одинцова родилась в Спасске-Дальнем Приморского края. Образование высшее педагогическое. До 1996 года работала в органах народного образования Москвы, Алма-Аты. Учитель-методист, автор нескольких изданных пособий по методике обучения и воспитания. В настоящее время — предприниматель. В 2007 году в Благовещенске вышел сборник её стихов «Четыре сезона любви», а недавно, в мае

2012-го, книга стихов и рассказов «Вопреки...». Галина Одинцова — победительница открытого международного поэтического конкурса «Золотая строфа», её стихи вошли в первый выпуск альманаха «Золотая строфа 2009». Недавно из Москвы пришло сообщение, что рассказы Г. Одинцовой прошли строгий конкурсный отбор и номинированы на национальную литературную премию «Писатель года 2012».

Рассказы

Прятки

— Раз-два-три-четыре-пять — я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват! — кричал Димка из соседнего двора, прижавшись лицом к шершавой стене старого бревенчатого дома, построенного ещё до войны. Ребята веером разбегались по широкому двору, прячась в перекошенных сараях с углём и дровами, в глубокой яме, оставшейся после взрыва снаряда во время войны, за домом, выглядывая из-за угла, чтобы быстрее застучаться и не водить. А водить чаще всего приходилось Томке. Она была неуклюжей, долговязой, на длинных ногах и всегда опаздывала.

Томка жила с матерью и отчимом. Отца не помнила — он погиб в конце войны, так и не увидев свою дочь. Он возвращался из госпиталя на фронт, заехал в свой родной город и провёл с будущей Томкиной мамой два дня и две ночи. Мама была его первой любовью. Первой и последней. А мама говорила Томке:

— Твой отец — моя последняя и первая любовь...

А отчим появился, когда Томке было лет десять. Хромой, всегда с похмелья, недовольный и совсем не замечающий Томку. Он был начальником цеха на швейной фабрике, где работала мать. Потом он запретил матери работать на производстве, притащил домой швейную машинку, и мама шила модные платья из цветастого крепдешина и шифона, из отрезков, которые приносил отчим. Она шила всю неделю, целые дни напролёт, успевая приготовить ему обед. Почти не отдыхала по ночам. А по субботам, часов в пять утра, они уходили на рынок. Мама стояла в модном платье и продавала похожее. Отчим, прогуливающийся невдалеке, увидев, что платье продано, проходил как бы невзначай мимо, совал ей в руки следующее платье и тут же забирал вырученные деньги. Такая торговля в те годы называлась спекуляцией. Спекулянтов сажали в тюрьму, и приходилось быть осторожным, продавая что-то «из-под полы».

После успешной торговли отчим напивался и колотил мать. «Для профилактики!» — так гордо объяснял он собутыльнику-соседу, с которым пил до утра.

Всё воскресенье он спал, а мать и Томка боялись пошевелиться, разговаривали шёпотом и только им понятными знаками. По воскресеньям мама кроила, разложив яркие ткани по полу, потому что на машинке шить было нельзя, чтобы не потревожить отчима...

Так прошло года два. Мама стала болеть. Отчим стал ещё злее. И уже не только маму колотил, но и Томке доставалось. Она забивалась в угол, когда он приходил домой. Читала книжки, которые ей тайком покупала мама. Ещё прошлым летом мама распорол уголок Томкиного матраса и каждую неделю засовывала туда утаённые от отчима смятые рубли, говоря Томке, что это ей «на чёрный день»...

Однажды в начале сентября, придя из школы, Томка увидела то, что перевернуло всю её жизнь.

Мать висела на шнуре от тяжёлого фабричного утюга, протянутом через балку в потолке. На её груди булавкой была приколата записка, написанная на тетрадном листочке в клеточку: «Доченька, прости!»

Томка даже не вскрикнула, а развернулась, выскочила из квартиры и побежала в сарай с дровами и опилками, где она любила прятаться во время игр в прятки. Ей хотелось спрятаться от всего мира, который был так жесток с ней. Ей было страшно и темно...

В сарае, на куче старого тряпья и опилок, храпел в пьяном забытии её отчим, обнимая голую и тоже вдрызг пьяную молодую Машку из соседнего двора, которая слыла девицей непристойного поведения.

Томка вскрикнула, обомлев. И побежала обратно в дом. Рукой оттолкнула висящую мать, схватила с печки спички, нарвала из книги, которую ей покупала мама, страниц, целую кучу, такую, что они и в руках почти не помещались, бросилась снова в сарай! Дрожащими руками подсунула скомканную бумагу под тряпье и опилки, подожгла. Бегом вернулась в дом. Вытащила из матраса деньги, засунула их за пазуху и снова выбежала наружу.

— Пожар! — кричала во всё горло соседка. С ведром, полным воды, она промчалась мимо Томки к сараям.

А Томка со всех ног рванула к вокзалу.

Позади неё горел сарай, извергая чёрный дым и яркое пламя.

А мама, её родная, милая мама, крутилась на шнуре от фабричного утюга, потому что Томка впопыхах оттолкнула её от себя, торопясь отомстить за неё. За свою маму...

Целую неделю Томка ехала на товарных поездах, заскакивая на ходу на сквозную площадку в конце вагона. На остановках она слезала с вагонной площадки, покупала пирожки у торговки на перронах, пила воду из кружек, которые были прикреплены к бачкам с питьевой водой железной цепью, а потом запрыгивала на площадку вагона другого товарного состава. Каким-то чудом железнодорожники не замечали её.

Однажды она увидела, что снова проезжает свою станцию, и поняла, что каталась на товарняках туда-сюда. Ей так захотелось спрыгнуть с медленно дви-

гавшегося мимо её станции поезда, но она закрыла глаза, сжалась вся, заплакала и поехала дальше, неведомо куда. Школьная форма от грязи стала жёсткой, фар-тук она давно выбросила. Ночами стало холодно, заканчивался сентябрь...

— Эй, девочка, ты что тут делаешь? Откуда ты тут взялась? — женский голос обволакивал её и клонил в сон ещё больше.

— Мама... — прошептала Томка, и стала ей сниться смеющаяся мама. Молодая, весёлая, в красивом цветастом шифоновом платье, с васильками по зелёному полю, которое ей так шло! Мама смеялась, протягивала к ней руки, звала её.

— Мамочка! Мама! — кричала Томка и так стремилась к ней, но тяжёлые ноги не пускали её, они не двигались, а мама улетала в своём волшебном платье всё дальше и дальше от неё, улыбаясь и протягивая к ней свои ласковые руки, которые так любили гладить её головку перед сном...

Очнулась Томка в больнице.

— Девочка, как тебя зовут? — полная женщина в белом халате держала её за руку.

— Та... Та...

— Таня?

Томка, чуть заметно кивнула головой.

— Значит, Таня, Татьяна. А фамилия?

— Не помню, — отрезала Томка, окончательно приходя в себя.

— Мы тебя нашли на станции. Ты откуда ехала?

Томка любила читать разные приключенческие рассказы, они часто с мамой мечтали уехать куда-нибудь подальше, где нет отчима и где люди живут счастливо и весело. Они придумали себе такую страну, в которой они могут спрятаться и никто никогда их не найдёт. Эту страну они называли «Прятки». И часто шутили: вот бы в Прятки поскорее, чтоб избавиться от зверя.

— Из Прятки...

— Прятки — это город или станция? — допытывался у неё уже сотрудник милиции с записной книжкой в руках.

— Не помню, — в последний раз ответила Томка. И больше никто ничего от неё не смог добиться.

— Хорошо, — сказала строгая толстая тётя. — Будешь Татьяной Прядкиной.

Так её и записали — Татьяна Прядкина, воспитанница детского дома.

Томка — Татьяна Прядкина — закончила школу. В детском доме друзей не завела, слыла одиночкой и странной девочкой, но умела за себя постоять. По направлению из детского дома поступила в медицинский институт, закончила его с отличием, и ей было предложено продолжить учёбу в аспирантуре.

Её так тянуло на родину. Целый месяц был у неё в запасе, и она решилась съездить в город своего детства. Ей хотелось найти могилу матери, которую бросила не попрощавшись, но зато отомстила за неё, убив отчима с его любовницей. Эта тайна не давала ей покоя. Она часто подсакивала ночью, чем пугала подруг по комнате сначала в детском доме, потом в общежитии института. Отчим ей никогда не снился. А мама снилась часто. Всё в том же платье, шифоновом, с синими васильками по нежно-зелёному полю...

Томка вышла на станции своего родного города. Прошло почти десять лет, как она сбежала из него преступницей и убийцей. Она шла по улицам. Вовсю шло строительство, и уже не узнать было города. Да и её не узнать: у неё другая фамилия, другие имя и отчество, и волосы перекрашены в другой цвет. Она другая внешне — и внутренне тоже.

Нашла район, в котором жила. Их дом стоял на месте! Почерневший, немного покосившийся, но ещё крепкий. А вот сараев уже не было.

Кучка ребятшек тусовались у подъезда. Томка вздрогнула.

— Раз-два-три-четыре-пять — я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват! — кричал худенький пацан, прижавшись лицом к шершавой стене старого бревенчатого дома, построенного еще до войны. Ребята веером разбежались по широкому двору, прячась за домом, в подъезде...

«Зря я сараи сожгла», — тупо подумала Томка.

Из подъезда выкатилась коляска. Мужчина с обожжённым, в шрамах, лицом перебирал колёса коляски. Его тело, без ног, сидело в ней мешком, безразлично и без эмоций. Следом вышла полупьяная женщина, со шрамами на лице, матеря это тело и двигая коляску с ним вперёд.

— Это кто? — спросила Томка у бабульки, сидевшей на скамейке, сама уже понимая, кто это и с кем.

— А! Это же придурок, которого жена сожгла. А потом повесилась! Вот так и мается со своей потаскушкой! Жалко жену его, ни за что повесилась. И дочка пропала... Так никто и не знает, куда она подевалась. А ты кто, девонька, приехала к кому или что?

Томка, не ответив ей, пошла прочь.

«Мама! Мамочка! Ты, спустя столько лет, спасла меня, взяв мою детскую вину на себя. А я уже и не знаю, кто я, что мне делать и как жить дальше... Вот мы с тобой и оказались в стране, о которой так долго мечтали, — в стране под названием Прятки...»

Куста

Наташка жила одна. В доме, который когда-то начал строить дед, да так и не достроил — надорвался. От горя и бабушка померла, не дождавшись своего «гнезда», о котором они с дедом мечтали. Дети так и жили в недостроенном доме, не хватало средств даже сенцы приладить — в кухню заходили сразу с улицы по крутым временным ступенькам.

Ушли сыновья в армию служить — и не вернулись в родительский дом. Война. Дочка стариков, однажды приютив проходившего мимо села солдатика-инвалида, обрюхатилась, вот и появилась на свет Наташка. В шестидесятом, голодном и горемычном году Наташке только что семнадцать исполнилось. А мать распрощалась с ней, так и не увидев дочку счастливой.

Наташка с детства помогала дояркам на ферме да так и осталась там работать дояркой. Мужиков в деревне не было, приходилось самим бабам и коров выхаживать, и сено косить, и в стога его складывать. Не спеша шли годы.

Однажды в село приехала машина, «Скорая помощь». Врачи из района заставили всех пройти медосмотр. У Наташки обнаружили кисту. Предложили операцию, но Наташка отказалась, хотя ей объяснили, что дело это опасное и киста начнёт расти, а последствия и того хуже...

Прибежала Наташка домой, расплакалась: что это за киста такая, откуда она взялась? А наревевшись, уснула крепко. Проснулась оттого, что в окно стучали. Соседка Тонька, выселенная из Москвы за тунеядство, попросилась на ночь.

— Наташка, бичи понаехали, гуляем вовсю... Пусти меня и вот его переночевать, а то в доме у нас уже и места нет... Утром уйдём! — еле стоя на ногах, упрашивала тунеядка. Рядом с ней качался такой же пьяный мужик.

— Да и заходите, мне-то чаво, — спросонья пробурчала Наташка и завалилась снова спать, не обращая на них внимания.

Проснулась от боли и какого-то рычания, как будто собака вцепилась в неё сзади. Запах перегара и гнусного пота пробудил в ней зверя. Она подскочила, стряхнув с себя вонючего мужика, схватила за немытые волосы. Сильная, здоровая, протащила его по полу, распахнула входную дверь и выкинула наружу. Мужик с глухим стуком прокатился по крутым ступенькам, построенным ещё её дедом, и шлёпнулся в лужу, издавая стоны и мат. Наташка спрыгнула, как львица, вниз и стала пинать его в голый пах босой ногой.

Бригада бичей в этот же день переехала в другое село. Тонька, пьяная ещё неделю, даже спасибо за приют не сказала. Тут и срок у неё закончился. Ни с кем не попрощавшись, она умотала домой, в Москву.

Наступила зима. Наташка по-прежнему бегала на ферму доить коров. Только стала замечать, что старенькое пальтишко не сходится на животе. Да и весёлые доярки стали подшучивать:

— Уж не беременна ли ты, Наташка? От кого же, признавайся!

— Киста растёт, врачи сказали, что расти будет, — отмахивалась Наташка и думала, что надо бы лечь на операцию, которую семь месяцев назад ей предложили приезжие врачи. А живот всё рос и рос. Заволновались односельчане: что же за киста такая, прёт и прёт! Да ещё и шевелится внутри, как рассказывала Наташка бабам. Особенно ночью...

Отправили Наташку в больницу, председатель машину выделил. Скромная девушка, ни с кем никогда не замечена — а тут горе такое! Киста...

К весне Наташка родила пацанчика. Хорошенький, крупный. Всё село обалдело! Наташа и сама обалдела от такого сюрприза. Всё-таки оставил своё семя бич немытый. А у Наташки и в голове ничего не мелькнуло ни разу — рожала-то, считая себя девственницей!

Назвала Наташка парня Матвеем, в честь деда.

Матвей рос крепким и здоровым. А прозвище носил, придуманное селом, — Киста. Хороший парень был. Учился неплохо, уважал мать, которая так и не поняла, откуда ей свалилось такое счастье! Крыльцо в доме починил. В армию ушёл, выучился затем на прапорщика, остался служить. Попал в Афганистан...

Всё село Кисту-Матвея хоронило. Приезжие воины в небо стреляли, денег матери дали. А через неделю и Наташка ушла за ним. За сыночком, на котором весь род их так и закончился...

Мама мыла раму

Иван неслышно открыл дверь своим ключом, мучительно соображая, как бы так помягче, поправдоподобнее объяснить жене, что ему надо отлучиться из дома ещё на пару часов, чтобы поработать в гараже. Продукты купил, палас из химчистки забрал, а вот в гараж — не успел. А надо срочно... Во! Придумал! Соседу по гаражу инструменты обещал одолжить! А жена знает, что гараж — это святое, особенно тогда, когда соседу что-то надо.

Зашёл на кухню, поставил пакеты с продуктами на стол. Прошёл в спальню, остановился в дверях.

«Валя, что ты делаешь! С ума сошла!» — захотел вскрикнуть он, но почему-то сдержался. Жена стояла на стремянке — аж на третьей ступеньке! — и самозабвенно натирала куском газеты стекло. Она давно вела разговоры о том, что к Пасхе надо перемыть все окна, навести в доме порядок после «зимней спячки», чтобы встретить светлый праздник в светлой квартире.

Валя, не заметив стоявшего в дверях мужа, бросила на пол мокрую газету. Взяла в руки тряпку и нагнулась над тазиком, который стоял на подоконнике. Цветастый халатик поднялся, обнажив полные ноги выше колен. Он давно не видел её ног. Он давно не видел её тела. Он давно не знал её как женщину. Он давно перестал интересоваться ею, своей женой...

Они познакомились почти сорок лет назад на танцах в военном училище. Тоненькая, хрупкая, она дрожала в его руках, когда он, молодой курсант-выпускник, впервые пригласил её на танго. Через год после выпускного вечера они поженились и уехали в «глухой» гарнизон, в котором был только один пятиэтажный крупнопанельный дом для семей военнослужащих да воинская часть за высоким забором с караульной будкой у ворот. На территорию воинской части, с ранней весны до поздней осени, молодые мамыши любили ходить прогуливаться с детьми в колясках и на трёхколесных велосипедах. Аккуратно подстриженные газоны, ухоженные деревья, асфальтированные дорожки и стерильная чистота везде! Вот только в доме вода из крана подавалась редко, электричество было по расписанию, готовили на электроплитках, умудряясь «поймать» свет. Про холодильники и речи не было. Зимой продукты хранили за окном, летом ели то, что не портилось в жару. Но жили молодо, весело, дружно.

Валя намочила тряпкой стекло и опять, постанывая, стала его натирать до блеска газетой, время от времени опуская полные руки вниз и потряхивая ими, как будто стряхивая с кистей невидимые капли воды. Переступив больными ногами со ступеньки на ступеньку, продолжила свою однообразную работу. Жена давно жаловалась, что болят суставы ног и рук, но лечиться всё было некогда.

Через три года он получил очередное звание, и их перевели в другой гарнизон. Условия там были лучше, да и народу больше: военторг с разными

импортными товарами, которых на «гражданке» не достать, клуб, где масса кружков для жён и детей военнослужащих... Жизнь в военном городке кипела, и офицерские семьи очень редко распадались в те годы. Ивана дома почти не было — полигоны, командировки, наряды... Дочка каждый раз знакомилась с ним заново, долго привыкала, а потом опять забывала и боялась его, когда он приезжал усталый и чужой. Валя никогда не жаловалась. Была хорошей хозяйкой. Весь год был посвящён подготовке к очередному отпуску. И не на море или в путешествие по интересным местам, а к родителям, которые их так ждали и тоже очень скучали...

Он снова чуть не крикнул «Эй, ты что делаешь?», очнувшись от воспоминаний. Его жена, стоя на больных коленках на подоконнике, кричала кому-то в открытое окно:

— Зачем малыша за шкуру тянешь?! Отпусти пацана или на руки возьми, мамаша непутёвая! Сама об стенку лбом бахнись, потом ребёнка трясси!

Кряхтя и бубня под нос ругательные слова, Валентина с трудом перебралась с подоконника снова на стремянку.

— Вот мамыши! Нарожают, а потом уродуют детей, дуры малолетние! Ой, ой, блин! Что за стремянка позорная! Не могли ступеньки пошире сделать, всё для худых! А тут мучайся!

Иван готов был уже ринуться к ней на помощь, но, видя, что она снова продолжила мыть окно, не стал ей мешать.

Наконец-то он получил звание майора и должность в штабе округа в одной из союзных республик. Чужая страна, чужие нравы. Хотя и один Советский Союз. Родился сын, ещё одна дочка. А дома он стал бывать ещё реже. Должность не давала больших возможностей для семьи. Жена одна воспитывала детей, устроилась на работу в детский сад, чтобы дети были всегда при ней. Жизнь продолжалась, но уклад её не менялся. Родители старели и всё больше ждали их в отпуск. Она сама устраивала детей в школу и пошла работать туда же, чтобы дети были рядом. А он получал очередные звания и служил Родине, почти не видя, как растут его дети. А дети, воспитанные в любви и ласке почти одной мамой, всегда ждали его и любили, потому что мамочка говорила, что у них самый лучший в мире папа!

— Ну вот, наконец-то! Осталось только повесить тюль! — радостно воскликнула Валя. Глаженный белоснежный тюль, аккуратно сложенный, лежал на верхней ступеньке лестницы. Она стала цеплять его на крючки карниза, кряхтя и охая, еле доставая до них, опускаая ежесекундно руки вниз, раскачивая их, как маятники, потирала шею.

После выхода на пенсию они переехали в город, где жили родители. Дети выросли, выучились и завели свои семьи. Вот бы и начать жить для себя! Но теперь пришлось всё время отдавать старикам, ухаживать за ними. На отдых опять не оставалось времени и средств. Он запил, не выдержав новой граждан-

ской жизни. Она пошла на рынок торговать. Вытаскивали его из запоев всей семьёй, спасали и берегли! Из хрупкой, стройной, красивой, улыбчивой женщины она превращалась в толстую бабу, больную, хмурую и неинтересную.

Валя нашла силы и организовала свой бизнес. Маленький, но свой. А полноценного отдыха всё не было. Кому нужны старики-родители, которые требовали постоянного ухода.

— Мама мыла раму, — вспомнил он предложение из букваря, который читал много лет назад, делая уроки с дочкой. — Ма-ма мы-ла ра-му, — произнёс одними губами Иван по слогам... Что-то горькое и тяжёлое появилось в груди, стало давить и подкатываться к горлу.

— Вот и всё! Какая красота! — воскликнула жена, поправляя поседевшие густые волосы привычным жестом руки, который ему так нравился в молодости. — Вот придёт мой драгоценный муж, а я спрошу: что изменилось в нашей спальне? Заметит ли он, как стало светло, уютно прохладно? А может быть, сам спросит: а что это стало так светло, дорогая моя жёнушка, уж не вымыла ли ты окна?.. Да нет, не заметит... Давно уже ничего не замечает, — вздохнула она.

Валя медленно, грузно сползла с лестницы, кряхтя, осторожно переставляя больные полные ноги, нагнулась, обнажая варикозные вены, собрала газетные комки с пола и снова залюбовалась свежим видом окна.

Он бесшумно выскользнул за дверь, на лестничную площадку. Достал из кармана телефон.

— Марина, я не приеду сегодня!.. Не истери! Я давно хотел тебе сказать, что ничего у нас не получится! Прости!

Сунув в карман телефон, Иван с силой нажал кнопку звонка.

— Ой! Ты уже пришёл! — воскликнула взлохмаченная жена. — А я тут ничего не успеваю!

Иван разделся, помедлил в прихожей, прошёл в кухню, достал из пакетов продукты, разложил их на полки в холодильнике, ожидая, пока жена моет руки. И как бы мимоходом зашёл в спальню.

— Дорогая! — воскликнул он, ненавидя себя за свой приторный и неестественный голос. — А что это у нас в спальне стало так светло! Ты что, окна вымыла? Зачем?! Я же спешил, чтобы сделать это самому! Да ты не жена, а золото! — мямлил он, неуклюже обняв жену за плечи. — А давай-ка наймём родителям сиделку да рванём на море! Отдохнём, накупаемся хотя бы раз в жизни!

Валентина смотрела на него во все глаза, из которых текли слёзы, и ничего не понимала.